

Клавдия Владимировна Лукашевич

Ужасные дни

Клавдия Владимировна Лукашевич

Ужасные дни

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=637705

Босоногая команда: Зерна; Рязань; 2005

Аннотация

«Под Петербургом, на окраине Васильевского острова, есть местность по названию Галерная Гавань. С одной стороны она тянется по берегу финского залива, или взморья; с другой стороны граничит Чекушами с их известными судостроительными заводами; с третьей к ней прилегает обширное кладбище и огромное Смоленское поле, где летом пасется городской скот...»

Содержание

I	4
II	15
III	26
IV	34

Клавдия Владимировна Лукашевич Ужасные дни *Рассказ – быль*

I

Под Петербургом, на окраине Васильевского острова, есть местность по названию Галерная Гавань. С одной стороны она тянется по берегу финского залива, или взморья; с другой стороны граничит Чекушами с их известными судостроительными заводами; с третьей к ней прилегает обширное кладбище и огромное Смоленское поле, где летом пасется городской скот. Галерная гавань находится на очень низком месте, почти в уровень со взморьем. Она застроена по преимуществу небольшими деревянными домами, около них часто виднеются деревья, садики и палисадники; местами тут тянутся длинные ветхие, покосившиеся заборы, за которыми находятся или огороды, или пустыри; есть тут поблизости целых три кладбища; как раз посередине Гавань прорезывает узкая, скверная речонка – Шкиперский проток. Она вытекает из каких-то ключей и впадает в Финский залив. Ле-

том Шкиперский проток зарастает плесенью и тиной, вместо воды в нем течет мутная грязь, а в окрестностях распространяется дурной запах. Зимой эта речонка замерзает; но при частых петербургских оттепелях и при малейшем западном ветре она вздувается, льдины поднимаются и вместе с жидкою грязью выходят из берегов и разливаются по окрестностям, где нередко все это сковывает первый мороз.

Вся Гавань со своим двадцатитысячным населением напоминает глухую провинцию; даже не верится случайно попавшему туда человеку, что он находится около огромной, богатой столицы.

Живут в Галерной Гавани по преимуществу горькие бедняки и петербургская голь. Здесь в закоптелых маленьких домишках, в грязных лачугах и сырых подвалах ютятся фабричные, поденщики, мелкие торговки и торговцы, швейки, мастеровые, а иногда и чиновники и чиновницы, получающие такую мизерную пенсию, на которую можно жить только впроголодь.

Кругом Гавани множество фабрик и заводов. Стройные, прямые, высокие трубы высятся над огромными многоэтажными каменными домами. Из этих труб, то поднимаясь высоко в небо, то стелясь по земле, дни и ночи клубится черный дым; в многоэтажных домах слышится грохот, шипенье, трескотня машин, а по вечерам во всех окнах светятся яркие огни, и изо дня в день в определенные часы раздаются гулкие, протяжные фабричные свистки, призывающие жителей

Гавани на тяжелую, беспросветную работу.

И рядом с этими грандиозными, богатыми фабриками еще ничтожнее, жалче, непригляднее кажутся серые, деревянные домишки гаванской бедноты.

На углу Безымянной улицы и Глухого переулка в Гавани находится небольшой деревянный дом, окрашенный в бурю краску. Дом этот принадлежит мещанке Марье Андреевой. Ветхий, покосившийся, с почернелюю крышей, он совсем ушел в землю и похож на больного, дряхлого старика. Около его ворот на улице растут две березы; за ним идут заборы и пустыри и доходят до самого взморья.

В один из холодных, пасмурных ноябрьских дней около дома мещанки Андреевой, прислонившись к березе, стояла девочка-подросток. Худенькая, как скелет, бледная, с тоненьким носиком и с огромными черными глазами на подвижном лице, она напоминала цыганку. Девочка то приседала, то вытягивалась, то щурилась, то тарасила выразительные глаза. Она была очень мила, но широко раскрытый рот и высоко приподнятые брови придавали ее лицу какое-то странное выражение – беспокойства и удивления. На голове ее был небрежно накинутый рваный, выцветший голубой вязаный платок; из-под него выбивались пряди густых черных волос. Эти лохматые волосы падали на лоб, на глаза, щекотали нос и щеки, – девочка поминутно трясла головой, обеими руками откидывала непокорные волосы и пристально смотрела вдаль.

День был серый, ненастный, дул сильный, холодный ветер, поминутно шел дождь, в воздухе пахло и гнилью и гарью. Перед тем несколько дней стояли сильные морозы, выпал снег и установился было прекрасный санный путь. Наступившая сразу оттепель испортила дорогу: снег потемнел, всюду стояли лужи, кое-где обнажился лед, оказались выбоины и ухабы. Было очень холодно в этот день, и грязно, и скользко.

Черноглазая девочка, ухватившись рукой за березу, неожиданно расхохоталась. Она увидела, что в конце улицы высокая, тонкая, как жердь, фигура, осторожно двигаясь, пресмешно балансировала руками, но не удержалась на гололедице и, поскользнувшись, упала. Затем, пытаясь встать, фигура долго скользила ногами и снова упала.

Девочка при этом всплеснула руками, присела на корточки и залилась неудержимым звонким смехом.

Наконец, упавший – высокий, неуклюжий человек, встал, принялся отряхивать и очищать платье и, широко расставив руки, размахивая ими и стараясь удержаться на скользкой дороге, пошел по улице, направляясь к дому мещанки Андреевой. Он был уже близко. Черноглазая девочка встретила его веселым смехом.

– Ловко ты, Карлушка, шлёпнулся, – сказала она и прикрыла рукой рот, чтобы удержать душивший ее смех.

– Ничего нет смешного... Только дураки смеются, как ты, – басом ответил подошедший.

Это был безусый, белокурый юноша; широкий нос, большой рот и подслеповатые голубые глаза навывкате на глуповатом, наивном лице совсем не гармонировали с его басистым, как бы сердитым голосом. Он был весь мокрый и грязный от падения, сердито фыркал и отдувался, хлопая себя рукой по пальто и по ногам. Пальто у него было холодное, короткое, все заплатанное, из узких рукавов выглядывали огромные красные руки; на голове у него была надета старая фуражка с лакированным козырьком.

– Чего ты все хохочешь? – подступил сердито юноша к девочке.

Та не испугалась.

– Ой, как смешно! – едва выговорила она. – Ты шел по улице, как акробат по канату... Потом шлёп прямо в грязь и растянулся. Хотел встать и снова шлёп да шлёп... Видел бы ты, как было смешно! Ноги у тебя длинные, тонкие, так и едут по льду... Смешно!

Юноша ничего не ответил, а продолжал с сердитым видом счищать грязь с своего костюма.

– Экая досада, хорошее пальто испортил! – ворчал он.

– Пальто у тебя нехорошее: узкое, и короткое, и дырявое, – возразила девочка.

– Много ты понимаешь! Кроме своих лохмотьев, ничего и не видела...

– Нет, видела... Вот у меня что-то есть очень хорошее... Хочешь, Карлушка, я тебе скажу?.. Хочешь?..

Девочка только собиралась задорно поспорить с молодым человеком, как неожиданно запнулась и, полураскрыв рот, загляделась на что-то...

– Ах! Смотри, смотри, Карлушка! – вскрикнула она. – Лошадь упала... на том же месте, где и ты шлепнулся. Смотри, как ломовой ее хлещет! Бедная!

– Небось, лошадь жалеешь, – упрекнул ее юноша.

Но девочка не слышала упрека: вся встревоженная, она рвалась вперед и говорила жалобным голосом, теребя рукав своего соседа:

– Как он ее хлещет... Бедная! Ей больно. Она встать не может. Пойдем, Карлушка, помоги. Да иди же, неповоротливый!.. Не упадешь. Держись за меня.

Девочка побежала посередине улицы; юноша последовал за нею.

– Эй, дядя, чего ты лошадь-то колотишь? Здесь ведь скользко. Ты хомут-то распусти. Не то лошадь задавишь. Дай я тебе подсоблю! – крикнул он громким басом.

Сильными, ловкими руками юноша помог поднять лошадь и помог запрячь ее. Около них остановилась старуха в широком салопе, трое мальчишек и мужичок с мешком за плечами. Черноглазая девочка стояла тут же и всем своим подвижным личиком и худеньким телом принимала участие в поднятии лошади, то сгибаясь, то взмахивая руками и усиленно морща лоб. «Ух! ух! ух!» – вырывалось из ее открытого рта; когда лошадь встала, девочка глубоко и облегченно

вздохнула.

Воз тронулся, а юноша со своею маленькою спутницей пошли обратно.

– Вот, Маришка, ты лошадь-то пожалела, а надо мною смеялась... Вот за то я не стану тебя в театр брать.

Девочка смутилась и даже как будто испугалась.

– Тоже сравнял... Я тебя жалела... Только лошадь упала не смешно, а ты... Видел бы, как... смешно, – боясь фыркнуть, девочка зажала рот рукой.

На глуповатом лице ее спутника мелькнула невольная улыбка; он махнул рукой и отвернулся. Некоторое время они шли молча; наконец девочка дернула своего сотоварища за рукав.

– Знаешь, Карлушка, что я тебе скажу?! – весело проговорила она и подпрыгнула.

– Наверно, какую-нибудь глупость, – насупившись, пробурчал юноша.

– Вот и не угадал! Совсем не глупость, а очень даже умное.

– Ну, умного-то ты сказать не можешь.

– Нет, извини, могу. Слушай! Моя мама купила две подушки.

– Что ж из этого?

– А то, что я теперь буду спать на подушке.

– Всякий человек спит на подушке.

– Вот и не всякий... У сапожниковых ребят нет, и у извозчика одного нет... И мне мама прежде свою старую кофту

подкладывала... Я раз шею отлежала на ней. Неловко, жестко...

– Эх, Маришка. Только и видели вы подушки! Ваш отец непременно их пропьет.

– Как бы не так! Мы не дадим. Как я увижу, что он пьяный домой идет, я сейчас подушки к сапожнице снесу. Она их спрячет.

Говорившие остановились у калитки дома мещанки Андреевой. Девочка лукаво и весело взглянула на юношу.

– Карлушка, а Карлушка, знаешь, что я тебе скажу! Я теперь на подушке сплю, точно какая-нибудь барышня, – она уморительно развела руками.

– Похожа ты на барышню, как коза на курицу.

– Карлуша, мама хорошие, дорогие подушки купила. Она дала за две восемь гривен. И то, говорит, для нее только по знакомству прачка уступила. Мама сказала, что она мне еще одеяло купит; потом башмаки с каблуками купит; потом еще кофту модную, и рукава будут пузырями; платок новый купит, – хвасталась девочка.

Юноша слушал её насмешливо.

– Мели, мели, Емеля, сегодня наша неделя, – снисходительно сказал он.

Марина очнулась и задумчиво подтвердила:

– Хорошо на подушке-то спать. Мягко как! Мама пять лет собиралась купить. Да все отец пропивал... Теперь мы ему не дадим. Как у нас теперь в углу хорошо, Карлушка! Хо-

чешь, пойдём посмотреть? Давеча на мою подушку Немец вскочил. Я его пугнула. Ещё испортит, сомнёт... Замяукал и бросился под печку.

Молодой человек слушал рассеянно болтовню девочки и, качая головой, поглядывал то на взморье, подернутое льдом и запорошенное снегом, поверх которого во многих местах виднелись целые озера воды, то на небо, по которому быстро неслись темные тучи.

– Ветер-то какой! Поворачивается. С моря дует. Плохо это! Как бы наводнения не было?!

– А страшно наводнение? Как оно бывает? – тревожно спросила Мариша.

– Так бывает, что, кажется, конец пришел и все потонут... Страшно!

– Я боюсь, Карлушка!

– Может, и не будет... Намедни тоже вода высока была, и пушки палили. Однако ничего, вода скоро ушла.

– Куда же она ушла, Карлушка?

– Глупая! Куда?! В море...

– А если она снова придет, то в нашу квартиру заберется?

– Конечно. Думаешь, тебя испугается?!

– Я тогда схвачу Немца и подушку и побегу к хозяйке наверх.

– Так она тебя и пустит. Она дверь на замок заперёт и никого не пустит.

– Ну, так я на крышу...

– Слетишь оттуда: ветер снесет.

– Ну, так я убегу на Васильевский Остров.

– Не знаешь ты еще, Маришка, какво наводнение... Может, и убежать не успеешь. Иди-ка лучше домой. Ишь, вся дрожишь...

Молодой человек взялся за ручку калитки, девочка оставила его и спросила заискивающе:

– Карлушенька, ты пойдешь сегодня в театр?

– Пойду, конечно.

– Возьми меня.

– Нельзя сегодня.

– Возьми, миленький, голубчик!

– Я тебя завтра возьму. Завтра очень хорошая игра будет. Называется «Гамлет»! Под конец наплачешься вдоволь, как все умрут. Я там «публику» играю.

– Возьми, Карлушенька, миленький! Перекрестись, что возьмешь?

– Ладно. Отвяжись. Иди домой. И я-то продрог тут с тобой. Какой ветрище!

– Я еще домой не пойду. Побегу на взморье дров или досок половить. У нас холодно: хозяйка дров не даёт.

И у сапожницы холодно. Сапожник кашляет. Он скоро помрет. Я им дров обещалась наловить. Вчера я отвязала Ивана лавочника лодку и хорошую доску поймала, отдала сапожнице.

– Охота тебе. У них свои руки есть.

– Мишку жаль... Он все ревёт... Если наводнение будет, ты, Карлушка, прежде всего Мишку вытащи... Он безногий. У матери его много ребят: всех не ухватить...

– Неволя мне чужого мальчишку тащить... Точно у меня своих вещей нет. Глупая ты, Маришка!

Молодой человек вошел в калитку, а девочка побежала к взморью, поминутно поправляя платок, который срывал свирепый ветер, и запахивая раздувавшуюся кофту.

II

Галерная Гавань – это совсем особенными своеобразный мирок.

Жители Гавани давно уже вошли в поговорку среди петербургского населения. Если кто-нибудь в разговоре скажет: «Он точно гаванский чиновник» или «Она похожа на гаванскую кофейницу», то это сравнение непременно выражает отношение обидное и презрительное. Сейчас представляешь себе опустившегося бедняка в порывелом пальто, жалкого, пьяненького, униженного, или женщину в старомодной тальме, в старомодной шляпке, с большим ридикулем в руках, слезливую и жалующуюся на свою бедность... Но таких в Гавани немного. По преимуществу там живут мастеровые и фабричные.

В Гавани все знают друг друга, интересуются жизнью один другого, как в провинции.

Маленький дом мещанки Андреевой, выходивший фасадом на Безымянную улицу, состоял из двух квартир. В одной из них, в мезонине, жила сама хозяйка. Это была женщина скупая, сварливая, вечно воевавшая с жильцами из-за неаккуратной платы. Целый день она или спала, или пила с кумушками кофе. Нижняя квартира, состоявшая из двух комнат и кухни, отдавалась по углам. Эти сырые, низкие, грязные углы кишели жильцами, как тараканами неопрятная

кухня.

На дворе стоял еще флигелек, далее шли сараи, чуланы, навесы для извозчиков. Все это было грязно, непрочно, ветхо, – так ветхо, что одна из жилищ как-то раз упала со второго этажа, потому что под ней обломилась гнилая лестница, когда она шла с корзиной вешать на чердак бельё.

Взглянув на весь этот грязный угол Гавани, на эти низкие, мрачные конуры, никто бы и подумать не мог, что тут живет более 50 человек. Но это действительно было так.

В доме, который выходил тремя большими окнами на улицу и двумя на двор, жила в большой комнате, в углу около окна, черноглазая Марина с отцом и матерью. Они переехали сюда недавно, раньше жили где-то далеко. Василиса – мать Марины – работала на ситцевой фабрике, отец – на капсульном заводе. Девочка росла на свободе, и все воспитание ее ограничивалось колотушками, которые она получала от матери, но еще чаще от пьяницы отца. Помещение, в котором жили эти люди, состояло из небольшого угла, отгороженного линючей ситцевой занавеской; за занавеской стоял сундук с постелью и ломаный стул.

Вся комната делилась на такие углы. Напротив жила молоденькая недурненькая девушка с двумя братьями. Девушка работала на папиросной фабрике, один брат ее – на сахарном заводе, а другой был несчастный идиот, вечно сидевший на одном месте и что-то бормотавший. Без помощи он не мог сделать ни шагу, и, если бы его не кормили сестра и брат, он

бы так и погиб.

Около двери жили еще две торговки-старушки, а напротив них – безрукий старик, который собирал на улице милостыню. В комнате рядом с давних пор жило какое-то странное обнищавшее немецкое семейство, состоявшее из отца, матери и трех сыновей. Чем и как они жили – неизвестно. Они держали себя очень гордо, говорили, что они «иностранцы», и ждали какого-то наследства. Два раза в году по месяцу они работали: делали к елке сахарных куколок или к Пасхе сахарные яйца с цветочками. В остальное время они все пьянствовали и буянили. Сыновья лазали по крыше и гоняли голубей, а от времени до времени поступали актерами или на балаганы, или в Василеостровский театр, где играли бессловесные роли. С жильцами немцы постоянно ссорились, особенно младший сын Карл.

– Не смей ты с ними разговаривать! И ходить в их комнату не смей! – не раз говорила Василиса дочери своей Марине.

– Мама, ведь Карлушка-то хороший и добрый... Он мне сегодня куколку сахарную дал, – возражала недоумевающая девочка.

– Отдай... Не бери... Они очень важничают. Давеча немка прошла и не поклонилась... И чего гордиться-то: живет в углу, как и мы грешные... Не смей с ними разговаривать! Не то попадет!..

Но это приказание постоянно забывала шустрая девочка. Карлушка встречал ее приветливо, с ней одной только раз-

говаривал и даже водил в театр... И Марина всегда радостно бежала к нему навстречу и любила болтать с ним.

Однако вернемся к жильцам... На кухне жили двое тихих старичков – муж с женой. Она вязала фуфайки и чулки, а он делал клетки для птиц. Это были самые миролюбивые, кроткие, набожные люди, никогда ни-кому не сказавшие резкого слова.

На дворе, в маленьком, грязном флигеле, ютилось человек 15 извозчиков, а в кухне жил больной сапожник с семьей. У него было 6 человек детей и худая, как скелет, жена, молчаливая, вечно с грудным ребенком на руках, измученная нуждой и горем. Дети были больные, слабые, один горбатенький,

Марина была дитя улицы. Она росла без призору, без работы, без ласки. Мать ее любила по-своему, но никогда этого не выказывала: нежностей не водилось в их среде. Тяжел был тот кусок хлеба, который изо дня в день зарабатывала, согнувшись, бедная женщина.

Марина выросла в подвалах, она дышала сырым, душным воздухом, спала на холодном полу, где летом нарастает плесень и грибы, а зимою через щели намерзает лед и налетает снег. Она бегала босиком в стужу, простаивала часами в холодной воде, гоняясь за доской или поленом. Она часто ела один хлеб, иногда сиживала и голодная. Немногие дети выживают при таких условиях; но те, которые выживают, закаляются вполне и становятся выносливыми.

Марина была смышленная, живая, веселая девочка. Она

говорила громко, вечно что-нибудь напевала, вечно звонко смеялась. Память у ней была изумительная: все, что она раз слышала – она не забывала. Она знала все песни, которые, случалось, пели уличные певицы, все мотивы, которые наигрывали шарманки; она помнила все имена знакомых и незнакомых, названия улиц, где она раз прошла, фамилии домохозяек.

В девочке было много недостатков: она видела так много дурных примеров. Она была лентяйка, не привыкшая к труду и не любившая работы; она бранилась грубыми, нехорошими словами, она дралась с уличными мальчишками, умела солгать и схитрить... Но вместе с тем в сердце маленькой уличной девочки жило то, что дороже всего в человеке: это были затаенные искорки Божий, называемые состраданием, сочувствием, добротой... Как и когда загорелись они в худенькой груди Марины – неизвестно, но с ними девочке легче и счастливее жилось на белом свете среди нищеты и горя в мрачном углу.

Куда бы ни заглянула Мариша, где бы ни послышался ее звонкий голос, напевающий песню, там грустные лица освещались улыбкой, становились веселее и отраднее.

Не только на своем дворе Мариша знала всю, как говорится, подноготную, но и во многих других местах Гавани. Знала она хорошо сырые, мрачные углы через две улицы от них, знала, что там уже много лет лежит больной, параличный старик Роман, на которого все сердятся, которого все

считают обузой и кормят из жалости.

– Хоть бы помер поскорее, – скажет ему кто-нибудь из жильцов.

– Я сам бы рад умереть... Да что же делать, если Бог смерти не посылает, – тихо ответит старик.

Часто заглядывала к нему Марина. Войдет в подвал, остановится у койки, стоит и смотрит жалостливо, головой качает, иногда песню мурлыкает. Старик повернет к ней желтое морщинистое лицо и просияет.

– Что смотришь, дитяtko?

– Так, дедушка...

– Подойди. Я рад... Всё один да один. Скучно! Девочка приблизится, ласково улыбнется, и между ними начинается разговор.

– Какова сегодня погода? – спросит старик.

– Сегодня холодно.

– А небо ясное, солнышко есть?

– Нету солнца, дедушка. Туман.

– Ох, давно, давно не видел я света Божьего, – со слезами в голосе скажет старик.

– На улице весело, – заметит Марина.

– А ветер есть?

– Есть, дедушка.

– С моря?

– Нет. Кажется, с другой стороны.

– Ну, слава Богу!

Дрожащая слабая рука старается сделать крестное знамение.

– Ох, слабо наше тело, – шепчет старик. – Привык я тут... А все-таки боязно!

– Дедушка, вода к тебе к самой койке подходила? – спрашивает Марина, и на лице ее изображается ужас.

– Подходила, дитяtko. Раз пять уже была... Даже льдинки под койкой хлопали...

– Боялся ты?

– Да. Думал, что зальет. Богу молился.

– И вынести тебя было некому?

– Некому. У всех свои, близкие. Я один-одинёшенек.

– Вот, дедушка, возьми хлеба. Забыла дать... Я тебе принесла...

– Спасибо, дитяtko... Я еще сегодня не ел. Все ушли. Придут поздно... Грех сказать, меня не обижают... Кормят.

– Прощай, дедушка! – говорит Марина и, кивнув головой, направляется к двери, напевая песню.

– Спасибо, голубушка. Загляни еще... Рад я тебе – говорит старик, глаза его наполняются слезами, и он провожает девочку долгим ласковым взглядом,

Много и других таких же бедняков знала Марина и заглядывала к ним. Знала слепую старуху с двумя маленькими внуками – эти были совсем нищие; знала еще молоденькую девушку Анюту – больную, слабую, со впалыми глазами и ярким румянцем на исхудалых щеках; у ней была хромо-

ногая сестренка Катя. Анюта была портниха и работала, не разгибая спины, целые дни, сидя около маленького окошка подвала... Сестры трогательно и нежно любили друг друга, как описывают в рассказах, и их Марина часто заставляла в слезах, прижавшись друг к другу.

– Что будет с тобой, Катюша, когда меня не станет? Кто побережет тебя... – тихо шепчет Анюта, лаская сестренку.

У Марины сдавливало горло, и ей тоже хотелось плакать.

Целыми днями бегала Мариша по Гавани, ничего не делая. Очень часто она вступала в драку с уличными мальчишками, особенно если они травили кошку или обижали какую-нибудь несчастную собачонку. Раз она вернулась домой без платка, в изорванной кофте, с безухим котом на руках. Она назвала его Немец и поселила в своем углу. Досталось за все это девочке от матери, но она стойко отстояла своего кота и делилась с ним последними крохами.

Кроме кота Немца, у Марины на их дворе был еще большой приятель, пользовавшийся ее особенными заботами, горбатенький Миша.

– Вот Мишку сапожникова вынесли, – скажет кому-нибудь из квартирантов Марина, пошарив за сундуком, вытащит оттуда или старую коробку, или цветную тряпку, или камешек и стрелой вылетит на двор.

Тут, под навесом, почти ежедневно ставилась косая поломанная детская колясочка, и к ней привязывался ребенок, одетый в убогие лохмотья, грязный и жалкий. Его слабая го-

ловка свешивалась набок, худенькие ручонки болтались, как плети. Это был пятилетний горбатый мальчик, еще не умевший ходить и почти ничего не говоривший.

Марина подбегала к нему и опускалась около колясочки.

– Мишенька хороший! Что, мой Мишутка? Вот я тебе игрушку принесла.

При виде девочки грустное болезненное личико ребенка оживлялось, и на нем появлялась улыбка, похожая на жалкую гримасу.

– Смотри, Мишута, я положу тебе камешков в коробку... Как они греметь станут... Слышишь? Тук! Тук! Тук! Вот как хорошо!

Мальчик улыбался и тянул руки. Марина долго забавляла его: ей было его жаль.

Иногда от неловкого сидения горбатый мальчик начинал жалобно, беспомощно плакать. Марина бежала в подвал к его матери.

– Тётянка! – громко кричала она. – Иди скорее. Твой Мишка на весь двор ревет.

– А пусть его ревет... Что за беда! Мне не до него. Поревет да и перестанет.

Девочка возвращалась к ребенку.

– Не плачь, Миша... Не плачь, сейчас мать придет. Гляди, вон воробьи прыгают. Вот так!.. Вот так!..

Марина изображала воробья. Случалось, мальчик умолкал; в другой раз принимался плакать еще горше, еще бес-

помощнее. Девочка брала его на руки: утешала, ласкала. Но если это не помогало – относила к матери.

– Зачем ты его, Маришка, принесла? Пусть бы сидел на дворе, – говорила сапожница, качая грудного ребенка, а другой, годовалый, цеплялся за ее подол и хныкал.

– Он очень ревет, – возражала Марина, сажала его на пол и убегала.

С некоторых пор в доме мещанки Андреевой стали ходить слухи, что Василиса, мать Марины, разбогатела. Достала ли она хорошую работу, перестал ли пить ее муж – неизвестно, она никому о том не говорила, но хвасталась соседкам, что «справила себе сапоги и теплую кацавейку; из своей старой перешила Марине да купила, по случаю, две подушки». Многие видели эти: обнови и хвалили.

– Как спать-то мягко, тётенька, точно в гнезде, – говорила Марина зашедшей к ним сапожнице.

– А ты в гнезде спала что ли? – улыбаясь, спросила та.

– Не спала... Только знаю, что птичкам мягко.

– Как у вас теперь хорошо в углу, – заметила сапожница.

Мать и дочь окинули довольным взглядом свой бедный угол. Выцветшая ситцевая занавеска, стол, два стула, сундук и на нем нечто вроде постели с двумя подушками в темных ситцевых наволочках – все казалось им и нарядным и привлекательным.

Марина с гордостью провела рукой по подушке, и на лице ее мелькнула счастливая улыбка.

– Целых пять лет, голубушка моя, собиралась купить подушки... Да муженек-то у меня пропащий. Если бы он не пил, мы бы могли жить без крайности...

– Тяжело жить! Ох, как тяжело! Все дорого: и мясо, и дрова, и хлеб... Вот у меня и не пьет муж, а подумать страшно, коли какая беда...

– У тебя муж больной, детей куча... Одной бабе не справиться, конечно. Бог милостив... Как-нибудь... Не горюй!

Соседки поговорили и разошлись. Не знали бедные, что беда-то гонится за ними.

III

Много ужасных дней видела на своем веку многострадальная Гавань, но таких, какие были пережиты в ноябре 1895 года, давно не запомнят и старожилы.

В тот холодный, ветреный день, с которого мы начали свой рассказ, все жители Гавани были сильно перепуганы. Под вечер раздались пушечные выстрелы. «Будет ли наводнение, или ветер утихнет, вода уйдет?.. Ждать ли наводнения?» – вот те вопросы, которые тревожили и мучили всех.

В доме мещанки Андреевой жильцы тоже находились в тревоге.

– Матушки-светы, ветрище какой, дух захватывает!.. Мосты горой вздуло ходить нельзя...

– Страшное будет наводнение! – проговорила одна из старушек торговки, возвращаясь в свой угол и с оханьем, со стонами принимаясь раздеваться.

– Наказание Господне!.. Что-то будет!.. Не к добру вчера у нас половица трещала, – подтвердила ее товарка, подымаясь с постели.

– Полноте вам пророчить!.. Ничего не будет, – сказал набожный старичок, входя в комнату.

– Все говорят, что страшное будет наводнение... Слышите, опять пушка выпалила? – испуганно проговорила молоденькая папиросница.

– Убрать бы вещи... – сказал кто-то.

– Вода везде достанет... – возразил раздраженный голос.

– Вяжите в узлы и тащите на чердак!

– Всего не унесешь... Да и хозяйка не позволит... Небось, она, ведьма, заперлась в мезонине и знать ничего не хочет!.. Бесчувственная она!..

– Мама, свяжи подушки... Спрячь их скорее. Карлушка сказал, что огромное наводнение будет. Я боюсь, мама, боюсь... – твердила испуганно Марина.

– Молчи! Я тебе задам и с твоим Карлушкой! – прикрикнула Василиса и сердито вытащила из-под головы мужа подушки... Он, совсем пьяный, спал на сундуке и храпел на всю комнату.

– Мама, вода сюда придет. Я боюсь. Мы утонем, – ныла Марина.

– Замолчишь ты или нет?!

Василиса шлёпнула девочку по голове, кинула на пол кацавейку и подушку,

– Ложись спать! Сейчас ложись, – строго сказала она дочери.

Та присела на пол, охватила руками драгоценную подушку и, всхлипывая, испуганно посматривала кругом. Старичок вышел на улицу и тотчас же вернулся.

– Кажется, ветер стихает... Э, полно, что горевать раньше времени... Утро вечера мудренее, – успокоительным голосом проговорил он.

– И то правда, дедушка. Больше Бога не будем! Как Он укажет, так и станется, – ответила торговка.

– И пушек что-то не слышать, дедушка... Должно быть, ветер вернулся, – заметила папиросница.

Мало-помалу затихли толки, разговоры и споры в углах дома мещанки Андреевой; казалось, затих и ветер. Все скоро заснуло, и слышались храпы и свисты на все лады.

... В два часа ночи страшный порыв ветра, какой-то отчаянный гул и неистовый шум, частые выстрелы с крепости разбудили всех этих людей и всю заснувшую Гавань.

Гулко, зловеще отдавались эти выстрелы: они говорили о несчастье.

В подвалах, в лачугах, в нижних этажах Гавани поднялись тысячи перепуганных обитателей с сознанием скорой неминуемой беды. Всюду слышались отчаянные, душу раздражавшие крики: «Наводнение!»

В доме мещанки Андреевой происходил невообразимый переполох. Все поднялись, бегали, кричали, спорили, наскоро хватали и укладывали вещи. Ничего невозможно было понять в этой суматохе.

Василиса изо всей силы трясла и толкала пьяного мужа. Марина плакала, цеплялась за платье матери и кричала;

– Мама, побежим!.. Я боюсь воды. Мы утонем... Побежим скорее!..

– Молчи! Собирай вещи... Завяжи в мой большой платок! Ах, Господи, что я буду делать с этим несчастным?! Не раз-

будить его. Да вставай же ты, пьяница!

В углу, напротив, папиросница с братом одевали своего идиота, тот не давался и кричал.

Все жильцы метались, убирали свои вещи, связывали и складывали узлы повыше. Пушечные выстрелы раздавались чаще и сильнее; с дома сорвался кусок железной крыши и, ударяясь со страшной силой, хлопал по стене. Маленький домишко весь вздрагивал и, казалось, вот-вот разлетится на мелкие куски.

Марина побледнела как полотно, вся дрожала и испуганно посматривала кругом. Она увидела, что три брата-немца направляются к двери...

– Карлушка, возьми меня, Немца и подушку, – умоляюще просила девочка,

– Иди, иди, после возьму...

– Карлушка, Мишу вытащи... Возьми меня... Миленький, возьми!

– Ладно. Отойди от двери.

Кто-то открыл дверь, и в то же мгновение раздался громкий, пронзительный крик:

– Вода! Вода! Спасайтесь!

Грозная стихия холодной свирепой волной хлынула в подвал; она врвалась в нижние этажи, в лачуги, всё беспощадно губя, унося, подхватывая в своем порыве.

Что затем произошло – не поддается никакому описанию. Кто раз видел этот панический ужас подвальных бедняков,

эту борьбу за жизнь, кто слышал эти отчаянные крики о помощи, о спасении – тот во всю жизнь не забудет.

– Матушки-светы! Весь двор затонул! Куда бежать?.. Спасите, православные! – кричали торговки-старушки, бегая по воде.

– Бегите скорее! Зальёт... Ребят тащите... – раздавались голоса.

И продрогшие, посинелые люди, по колени в воде искали кто вещи, кто близких, кто чужих. Каждый думал о гибели. На дворе слышалось ржание лошадей, крики извозчиков, стук дрожек, плач и стоны. Все это сливалось в один невообразимый гул. Вода все прибывала.

– Господи, спаси и сохрани! – слышался чей-то отчаянный вопль...

– Потоп! Настоящий потоп! Наказание Божие! Все погибнем!

На улице было темно. В полумраке огромные волны носились по улицам, срывая и унося все, что попадалось на пути. Брёвна, доски, мебель, обломки вещей, мостков, сорванные крыши носились на гребнях волн, ударялись о дома, о двери, об окна; стекла разбивались вдребезги, и вода стремительно врывалась в жилища бедняков. Тут она портила и губила всё нажитое тяжелым трудом многих лет, скопленное грошами.

Вся Гавань, казалось, затонула. Ужаса, горя и страданий не передать словами.

При появлении воды в подвале Марина не помня себя от

ужаса, схватив кота и позабыв о подушке, бросилась по лестнице вверх. Она стучалась и просилась к хозяйке, но та заперлась и никого не пускала. Девочка прижалась в угол к какому-то выбитому окну и долго не могла прийти в себя от пережитого страха. Там, внизу, на дворе, в темноте плескались волны, слышались крики, стоны, плач, споры и гул. И вдруг в этой темноте раздался душераздирающий женский голос:

– Спасите, спасите!

Так могла кричать только мать, теряющая ребенка. «Это сапожница», – мелькнуло в голове Марины и, сбежав стремительно вниз, стоя на пороге, она по колени в воде тоже начала кричать:

– Карлушка, Карлушка, вытащи Мишу!

На дворе было много народу, кто-то толкнул и выбралил девочку, но отчаянных криков больше не раздавалось. Марина видела, что высокая, худощавая фигура пронесла куда-то на улицу двоих детей. «Это Карлушка», – узнала девочка своего приятеля.

Утренний рассвет озарил страшную картину наводнения. Ветер еще дул с прежней силой и пронизывал до костей, вода все еще прибывала. Эти ужасные, губительные волны разгуливали между домов, все ломали и рушили и подымались все выше и выше. Но в Гавань со всех сторон спешили на помощь: ехали ломовые, извозчики, телеги, приплыли по улицам спасательные лодки. Детей вытаскивали прямо из окон,

сажали на телеги и увозили. Много погибло народу в это наводнение: не всех успели спасти.

На крыше дома мещанки Андреевой сидела Марина, ухватившись за трубу, и горько плакала.

– Послушайте! Послушайте! – вскрикивала она. – Вон доска уплыла! Кот мой уплыл!

Многие видели эту рыдающую девочку, но не обращали на нее внимания. Она была в безопасности, а кругом другие ждали спасения.

Вдруг Марина заметила своего приятеля. Он то тут, то там боролся с волнами, прыгал, хватая то одно, то другое. Казалось, ему необходимо было спасти все и всех.

– Карлушка, Карлушка, схвати моего Немца! Вон доска уплыла... Миленький! Добренький!

– Где? – спросил басистый голос.

– Вон из ворот выплыли... Через забор перескочили... Ай, уплывут, беги скорее!

Карлушка, подымая высоко ноги и прыгая по воде, пробрался через улицу, через забор и погнался за доской, на которой действительно сидел кот.

Марина с замиранием сердца следила за ним. Как он борется с волнами, как он прыгает... Вот схватил... Нет, кот уплыл далеко... Завернул за дом... Все исчезли: и Карлушка, и доска, и кот... Девочка заплакала еще громче. И плакала долго и горько.

– Бери что ли! – раздался где-то близко сердитый, знако-

мый окрик. Она очнулась. Внизу на дворе стоял Карлушка и протягивал ей кота.

Марина сбежала вниз.

– Какой ты мокрый, синий! Ты весь дрожишь! Иди, Карлуша, погрейся, – участливо сказала девочка.

– Возьми Мишку, – тихо сказал он.

– Разве это Мишка? Что ты? – рассмеялась и удивилась Марина.

– Я поеду на корабль! – крикнул юноша, вдруг неожиданно расхохотался и, смешно подпрыгивая, скрылся за воротами.

«Что это он мелет?! Уж не рехнулся ли он?!» – с тревогой подумала Марина. В это время снова раздался пушечный выстрел, налетел порыв ветра, и нахлынула новая страшная волна.

Девочка, прижимая к себе кота, побежала спрятаться на чердак.

Страшная, губительная картина разрушения длилась не более 6-7 часов. Затем ветер стал стихать, вода отхлынула. Но то, что представилось глазам, было поистине беспросветно. Ужасные дни переживала многострадальная Гавань!

IV

На другой день после наводнения Галерная Гавань представляла жалкую, печальную картину разрушения, несчастий – и горя. Легкий мороз сковал разлившуюся воду, которая в канавках застыла в виде прозрачных льдинок, громоздившихся друг на друга. Было очень холодно, резкий ветер пронизывал до костей даже тепло одетых людей. На улицах всюду было движение, копошился народ, чего-то искали, чинили, убирали.

Следы наводнения были везде, на каждом шагу; там сорванная дверь, тут кусок крыши, какие-то бочки, бревна, приплывшая на улицу будка, сдвинутые мостки. Кое-где валялись кресты и крышки гробов с ближайшего кладбища. Всюду шла какая-то печальная разборка.

Но могло ли это все равняться с тем, что делалось в холодных, сырых, насквозь промерзших подвалах и лачугах? Там все было испорчено, вымочено. Всюду были больные, голодные и холодные.

В доме мещанки Андреевой во всех углах копошились жильцы, разбирая и растряхивая свой мокрый скарб. Кто-то растоплял сырыми дровами печку и сердился. Одна из торговок натягивала по всей комнате веревки, чтобы сушить свои вещи. Воздух был сырой, удушливый, смрадный.

Марина сидела на полу с котом на руках и смотрела на

мать бессмысленно и печально; в больших черных глазах ее стояли слезы. Девочка только что узнала, что ее приятеля Карлушку отвезли в сумасшедший дом. Бедняга помешался, убегая от страшной волны. Он кричал и бредил этой волной и кошкой. Марине казалось, будто и она виновата в его горькой судьбе, и ее сердечко сжималось болью.

Утром девочка обегала много обездоленных углов Гавани; везде были страдания и одни страдания. У сапожницы заболел муж и трое детей; потонула хромоногая Катя, а сестра ее умирала; слепая старушка и ее внуки дрожали от холода в своем углу, а старый Роман даже слова не мог выговорить от страха; вода в это наводнение плескалась даже по его постели.

Василиса, сидя над своим сундуком, горько плакала и причитала. Все вымокло, полиняло, испортилось. Стол и стул расклеились и лежали на боку. Подушки вымокли насквозь и издавали гнилой запах.

– Вот копила, копила... Все пропало! Теперь с моим муженьком не наживешь, не справишься, – плакала бедная женщина, растряхивая мокрые тряпки.

Марина сидела около матери совсем безучастно, в отупении.

– Брось кошку! Вот я ее поленом! Лучше бы матери помогала! У-у-у, несчастная! – крикнула Василиса на дочь.

Девочка отлично знала, что мать ничего дурного не делает ее безумному Немцу, что она с горя вымещает на ней

злобу, но на всякий случай отбежала в сторону.

В углу напротив метался в жару идиот – брат папиросницы, а молодая девушка ухаживала за ним.

– Мариша, сходи, купи мне на две копейки малины, – попросила девушка.

– Сейчас, Лизанька, сейчас, – девочка проворно оделась и убежала.

В комнату то и дело входили и выходили жильцы, сетовали, жаловались, плакали.

– Знаете ли, милые, сказывают, завтра с утра в Гавани всем будут дрова и деньги раздавать, – сказала, входя, старушка торговка.

Все переполошились. Послышались возгласы:

– Дал бы Бог! Неужто же погибать!

– Ой, что-то не верится!

– Говорят, правда!.. Спросите сами...

– Пойти разве узнать?!

Между тем Марина, убежавшая в аптеку, как в воду канула.

– Что это Маришка не возвращается?! – сетовала папиросница.

– Ах, скверная девчонка! Вот я ей задам! – грозились мать.

– Она, верно, проела твои две копейки, да и боится вернуться, – заметила одна из торговок.

– Уж не случилось ли чего с ней? – тревожно проговорила

мать, направляясь к двери.

Судили и рядили, а время шло, и девочка не возвращалась...

Между тем с Мариной в это время случилось такое происшествие. Выбежала она из ворот дома мещанки Андреевой с твердым намерением мигом слетать в аптеку. Вдруг она заметила вдали на Безымянной улице большую толпу. Ей, конечно, понадобилось узнать, что там такое, и она помчалась туда.

– Там бедным дрова и деньги раздают, – крикнул кто-то. У девочки замер дух, и она припустилась шибче; сердце ее так и колотилось.

По улице медленно двигалась пролетка, на ней сидели двое мужчин, одетых в шубы. Огромная толпа, по преимуществу ребятишек, обступила их и кричала на все голоса:

– Дайте нам! У нас ничего нет.

– К нам пойдете, дяденька, у нас отец помирает.

– Мы бедные! У нас ребята замерзнут...

Марина протискивалась вперед, получила за это несколько здоровых ударов, но все-таки достигла дрожек.

– Я знаю бедных... Пойдемте, я покажу... Я знаю самых бедных, – неистово кричала она, протягивая руки.

– Убирайся ты, убирайся, – раздались сердитые окрики, и девочку вытолкали из толпы.

Приехавшие господа сошли с пролетки и в сопровождении толпы заходили в подвалы и лачуги, действительно ока-

зывая помощь. Но лишь только они снова показывались на улице, как в их ушах раздавался звонкий отчаянный детский голос:

– Пойдемте! Я вам покажу самых бедных! Я знаю очень бедных, – и растрепанная, оборванная девочка хватала их за рукава и смотрела большими умоляющими черными глазами.

– Отойди прочь! Какая назойливая девочка! – сказал один из приехавших.

Марину отгоняли и били.

Приезжие заходили в один дом за другим, удаляясь от Безымянной улицы. Но «назойливая девочка» всюду преследовала их, старалась протиснуться вперед, и ее жалобный, замирающий голос доносился, как эхо: «Пойдемте!.. Я вам покажу самых бедных! Я знаю очень бедных!..»

Один из приехавших наконец обернулся к ней и строго проговорил:

– Нехорошо так надоедать... Ну говори, где ты живешь?

– Я живу там... Я знаю самых бедных, – робко ответила Марина.

– Кто ж у тебя бедный?

– Много, много... Вот тут близко... Старичок Роман живет... Еще Анюта умирает, у нее сестра утонула... Еще старушка слепая... У нас в доме еще сапожница... Я знаю самых бедных, – радостно, задыхающимся голосом твердила девочка.

– Ну, веди нас... Только здесь поблизости...

Хотя толпа и шумела, и ссорилась, и кричала, отгоняя девочку, но приехавшие пошли вслед за сиявшей счастьем Мариной. Она показала им слепую старушку со внуками и умирающую в чахотке Анюту, безутешно оплакивавшую свою погибшую в волнах сестренку... Они поверили, что она знает самых бедных.

– А где же твои отец и мать? Кто они? – спросили приезжие Марину.

– Мои – фабричные... Там... Ах, пойдете... Я знаю еще старика... Он без ног и льдинки об его койку хлопали...

– Пойдем! Ты славная девочка! – сказал один из приехавших, поняв это отзывчивое сердечко, и погладил Марину по голове. Она не поняла, за что ее хвалят, и радостная помчалась вперед, говоря: «Я знаю самых бедных».

... Поздно вечером Марина вернулась домой – продрогшая, раскрасневшаяся; ее выразительное лицо сияло необыкновенным счастьем.

– Где ты, дурная, пропадала целый день? – грозно крикнула на нее мать.

– Где же малина? – спросила папиросница.

– Малина? – повторила растерявшись девочка. – Я забыла... Вот, Лизанька, твои две копейки... Я сейчас сбегая... Ах, мама, там ведь помощь раздавали бедным...

Все подвальные жильцы обратились в слух, повставали с мест и окружили девочку.

– Ну, и что же? – радостно спросила мать.

– Они говорят: покажите самых бедных...

– Кто они-то?

– Господа. Хорошие господа, в шубах... Приехали на извозчике и говорят: покажите самых что ни на есть бедных...

– Ну, и что же?

– Они давали билеты для дров и деньги... Я им показала самых бедных.

Василиса вскочила как ужаленная.

– А нас-то?! Нас ты что же не показала?! – закричала она не своим голосом.

– Я забыла, мама, – испуганно отскакивая в сторону, шепнула Марина, не зная, что сказать.

– Забыла про нашу бедность?! Слышите ли, добрые люди?! Слышите, что это за девчонка! Что это за зло такое! Вот я тебе! Я тебе! Рассвирепевшая женщина бросилась на дочь. Та, защищая руками трепаную черную головушку от ударов, плача, присела в угол на пол. Все жильцы были согласны с Василисой... Но за Марину вступились старик и старушка, жившие в кухне. Они отняли и укрыли рыдавшую девочку.

– Опомнись, Василиса! Что ты бьешь дитя? Может, ей Сам Господь указывал путь к самым бедным!.. Невинно и чисто сердце ее... Не тронь девочку! Опомнись!

– Да как же, дедушка, разве мы-то не нищие? Ведь все испорчено, все пропало, и подушки новые никуда не годятся!..

Марина, всхлипывая и вся дрожа, прислушивалась к сло-

вам матери. Да, действительно, как же это она забыла и про свою бедность, и про испорченные драгоценные подушки, и про гнев матери?!

– Полно, Василиса! Не сердись! Ты молодая, здоровая... Твоя жизнь впереди... Еще заработаешь всё... Всё у тебя будет, – успокоительным голосом говорил старичок.

А во многих темных, сырых углах Гавани несчастные, получившие помощь и, может быть, спасение от гибели, с благодарностью и с лаской вспоминали о маленькой черноглазой девочке, которая неожиданно привела к ним благодетелей. Вспоминала о ней с молитвой на устах слепая старушка с внуками, и старик Роман, и больная Анюта, – все они были сыты, согреты, и в их темной жизни промелькнула светлая, отрадная полоса.